

Н. В. ПОНЫРКО

Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума

В давно уже известном послании дьякона Феодора от 1 сентября 1669 г., адресованном семейству протопопа Аввакума, есть строки, оставшиеся не понятыми исследователями.

Между тем строки эти по-новому ставят вопрос об атрибуции такого значительного памятника ранней старообрядческой литературы, как Пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу.

Идея равенства людей, крайне непримиримое и дерзкое отношение к царю, выраженные в этом сочинении, не раз привлекались для характеристики взглядов Аввакума.¹ Однако, как следует из письма дьякона Феодора, Пятая челобитная может служить в равной мере и для характеристики взглядов (заметим сразу — и стиля) другого старообрядческого писателя, а именно — самого дьякона Феодора.

Дело в том, что автором значительной части Пятой челобитной следует считать дьякона, а не протопопа Аввакума. Это можно заключить из следующих строк письма Феодора семейству Аввакума: «И отец Аввакум посылает царю послание с сотником старым. Сотник емлет у него. Чаю, и аз пошлю. А список к вам послан с Поликарпом вашим. До показанных откровений отцу о царе и о себе — мое о Христе счинение. А те тайны Христовы сам писал отец до конца и посем — уже что отродится от рога того злаго».²

То, что дьякон имел здесь в виду именно Пятую челобитную, не вызвало сомнения ни у издателя послания Феодора,³ ни у издателей челобитной Аввакума.⁴

Нас в этом убеждает и указание на сотника (существуют списки, где Пятая челобитная озаглавлена: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 года ис пустозерския темницы»),⁵ и упоминание «откровений» Аввакуму о царе и о себе (без сомнения, имеются в виду видения, о которых идет речь во второй половине челобитной: о врачевании Аввакумом язв царя, «распространении» тела Аввакума, вместившего в себя «небо и землю и всю тварь», явлении Аввакуму Христа и Богородицы в темнице на Угреше).

¹ Н. С. Демкова. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 385; А. Н. Робинсон. 1) Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963, с. 31; 2) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 72.

² Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 68.

³ Там же, с. 308, 322, прим.

⁴ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — В кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), с. L; Жизнь протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. Под общей редакцией Н. К. Гудзия. М., 1960, с. 414, прим.

⁵ П. С. Смирнов. Предисловие. . . , с. L.

Трудно понять, чем объясняется то, что письмо не было до сих пор истолковано как прямое указание на участие дьякона Феодора в составлении Пятой челобитной. Я. Л. Барсков, публикуя текст, так разделил фразу, что не знал, к чему отнести слова «мое о Христе счинение», и задавался вопросом, не имеется ли здесь в виду «Послание ко всем православным о Антихристе».⁶

В дальнейших работах интересующая нас фраза вовсе не подвергалась толкованию.

Между тем существует только один правильный и естественный путь ее прочтения, выраженный с помощью предложенной нами пунктуации. Феодор говорит, что «до показанных откровений отцу о царе и о себе» челобитная царю представляет его сочинение, а «откровения», или, как он их в другой раз называет, «тайны Христовы», писал сам Аввакум.

Что имеется в виду под «откровениями» и «тайнами» — было уже сказано.

Обратившись к тексту Пятой челобитной, мы увидим, что он стилистически и по содержанию распадается на две разнородные части.

Первая часть представляет собой страстное обличение царя. Именно здесь произносится знаменитое: «Господи убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий»;⁷ здесь ответственность за расправу со старообрядцами перекладывается с плеч духовных властей на плечи царя: «Ты, самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавый на ны»; «Несть бо уже нам к ним (духовным властям, — *Н. П.*) ни едино слово. Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит»;⁸ здесь царь укоряется за то, что не дал узникам «праведного суда» с их противниками. Заканчивается эта часть тирадой по поводу царя повеления не погребать пустозерских узников в случае их смерти по христианским обрядам. Последняя фраза этой части вполне могла бы быть заключительной: «Аще ж не обратитесь, то вси погибнете вечно, а не временно».⁹

Обращает на себя внимание то, что здесь автор челобитной выступает от лица всех пустозерских сидельцев, текст выглядит как скрытый диалог между царем и всеми пустозерцами: «Воистину, царь государь, г л а г о л е м ти: смело дерзаете», «. . . мы страждем и умираем, и крови своя проливаем»; «Аще правдою спросиши, и мы скажем ти о том»; «Здесь ты н а м праведного суда со отступники не дал»; «А еже н а с не велишь умерших у церкви погребать»; «И елико ты н а с оскорбляеши больши и мучиши и томиши, толико м ы тебя любим, царя, больши».¹⁰

Язык первой части вполне книжный, без характерной для Аввакума фразеологии, просторечных оборотов, нет и следов Аввакумова «вяканья».

Особые черты отличают вторую часть челобитной. Начинается она, как и было сказано, с «откровения» Аввакуму о царе и о себе, видения о врачевании протопопом язв на теле царя. И сразу же читатель окунается в знакомый мир Аввакумовой фразеологии: «Прости, Михайлович, свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниже

⁶ Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 323. Фраза Феодора передана Я. Л. Барсковым следующим синтаксическим построением: «А список к вам послан с Поликарпом вашим, до показанных откровений отцу о царе и о себе, мое о Христе счинение, а те тайны Христовы сам писал отец до конца, и посем уже что отродится от рога того злаго» (с. 68).

⁷ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), стлб. 757.

⁸ Там же, стлб. 758, 760.

⁹ Там же, стлб. 761.

¹⁰ Там же, стлб. 758—761.

притворяясь говорю: в темнице мне, яко во гробу сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей тако».

Стиль этот сохраняется на всем протяжении второй части челобитной: «Глупы веть оне, дураки, блюют и на самого бога нечестивые глаголы, горе им бедным будет».¹¹

В отличие от первой части челобитной Аввакум здесь выступает только от своего собственного имени, он находится как бы наедине с царем, и диалог их — интимный диалог: «Царь государь Алексей Михайлович, любим бо еси мне, исповемся тебе всем сердцем моим и повем ти вся чудеса господня».¹² Нет и тени того всеобщего представительства, которое имело место в первой части. Речь идет конкретно об Аввакуме и ни о ком больше, о его личных отношениях с царем: «Яко ж присылал ко мне Юрья Лутохина и рекл он Юрье усты твоими мне на Угреше: разсудит-де, протопоп, меня с тобою праведный судия Христос. И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебе, государь, тако годе, ино и мне тако любо: ты царствуй многа лета, и я мучуся многа лета».¹³

Больше того, отношения с царем выражены здесь в иной тональности, нежели в первой части. Уверения относительно любви Аввакума к Алексею Михайловичу несколько противоречат духу первой части, где о царе говорится только резко и обличительно.

Зато позиция первой части вполне соответствует абсолютно непримиримому отношению дьякона Феодора к царю, выраженному им в письме к семье Аввакума: только дьякон Феодор решился в это время назвать царя «рогом Антихристовым»; из письма также видно, что Феодор меньше всего надеялся на милость царя и способность его право рассудить пустозерцев¹⁴ (что и выражено в первой части челобитной).

Стиль и позиция обеих частей челобитной разнятся между собой. Сам по себе этот факт ничего бы не значил (так как возможен сознательный перебив стилистических приемов и сопоставление разных позиций у одного автора), если бы не существовало сообщения дьякона Феодора о своем участии в написании челобитной. Граница проходит именно там, где указал Феодор. Это обстоятельство заставляет смотреть на различие характеров двух частей как на подтверждение сведения о принадлежности сочинения перу двух авторов.

Принцип совместной работы был принят среди пустозерских узников. Незадолго до Пятой челобитной, а может быть, одновременно с ней, были написаны два произведения дьякона Феодора: «Ответ Иоанну» и «Книга — Ответ православных».¹⁵ Дьякон Феодор слыл за знатока священного писания. Инок Авраамий даже считал его «паче иных в божественном писании потрудившимся».¹⁶ Это и определило роль дьякона Феодора в пустозерском писательстве.

«Ответ Иоанну» примечателен тем, что подписан был и протопопом Аввакумом: «Сие протопоп Аввакум чел и сие разумел истинно».¹⁷ Любопытно, что среди списков послания Иоанну выделяется редакция, атрибутируемая А. К. Бороздиным Аввакуму (помещена Субботиным среди сочи-

¹¹ Там же, стлб. 761, 766.

¹² Там же, стлб. 763.

¹³ Там же, стлб. 762.

¹⁴ Я. Л. Барсков. Памятники... с. 68—70.

¹⁵ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. с. 2—3. Здесь отмечено, что оба послания писаны ранее последней трети 1669 г.

¹⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VII. М., 1885, с. 261.

¹⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VI. М., 1881, с. 79.

нений Аввакума),¹⁸ от редакции Феодора она отличается концом, написанным в манере, позволившей видеть другого автора.¹⁹ П. С. Смирнов также считал автором этого фрагмента Аввакума и поместил отрывок из послания дьякона Феодора среди сочинений Аввакума.²⁰

О «Книге — Ответ православных» известно, что она составлена по поручению всей «горькой братии» и от общего их имени рассылалась «за руками» Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания.²¹ Об этом произведении протопоп Аввакум писал в своем житии: «Еще же от меня и от братьи дьяконово списание послано в Москву, правоверным гостинца, — книга „Ответ православных“ и обличения на отступническую блудню».²² Прямое участие Аввакума и других пустозерских узников в сочинении Феодора представляется вероятным. И. М. Кудрявцев отмечает значительное количество использования и цитирования одних и тех же текстов в «Ответе» и в сочинениях Аввакума и считает несомненным участие Аввакума в составлении «Книги — Ответ православных».²³

Сказанное подтверждает мнение о том, что сотрудничество авторов было среди пустозерских писателей распространенным приемом и ставит Пятую челобитную в ряд коллективных сочинений.

Надо ли говорить, что сочинение дьякона Феодора, будучи включенным в произведение, под которым подписался протопоп Аввакум, может служить для характеристики взглядов и позиций самого Аввакума. Раз протопоп пускал в мир челобитную от своего имени, стало быть, он разделял все выраженные в ней мысли.

Новая атрибуция, однако, позволяет по-новому взглянуть на роль другого старообрядческого писателя, дьякона Феодора. Прекрасная в своей дерзости фраза: «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий» — принадлежит Феодору, и если ею иллюстрировали взгляды протопопа Аввакума о равенстве людей, то в гораздо большей степени она годится для характеристики взглядов самого Феодора.

Таким образом, мы можем расширить рамки творчества дьякона Феодора и включить в него вошедшую в Пятую челобитную филиппику против царя, которую по выразительности следует расценивать как одно из лучших сочинений дьякона.

¹⁸ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. V, М., 1879, с. 224—230.

¹⁹ А. К. Б о р о з д и н. Протопоп Аввакум. СПб., 1898, с. 160.

²⁰ Памятники истории старообрядчества, с. LXXXIV.

²¹ См.: Я. Л. Б а р с к о в. Памятники. . . , с. 68; И. М. К у д р я в ц е в. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. — Записки Отдела рукописей, 1972, вып. 33, с. 150.

²² А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963, с. 169.

²³ И. М. К у д р я в ц е в. Сборник XVII в. . . . , с. 173.